

Научная статья

УДК 327

DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_60

Генезис Индо-Тихоокеанской стратегии Европейского союза (1992–2022)

Р. В. Китаев

Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия
romankita43@gmail.com

Аннотация. В статье решается вопрос генезиса Индо-Тихоокеанской стратегии Европейского союза 2021 года. В исследовании представлены результаты сравнительного анализа доктринальных документов Еврокомиссии, свидетельствующие о последовательном развитии взаимоотношений Брюсселя и стран Азии в парадигме Индо-Тихоокеанской идеи.

Ключевые слова: Европейский союз, Индо-Тихоокеанская стратегия, генезис, стратегические документы

Для цитирования: Китаев Р. В. Генезис Индо-Тихоокеанской стратегии Европейского союза через призму стратегических документов (1992–2022) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2023. Вып. 1 (850). С. 60–67. DOI 10.52070/2500-347X_2023_1_850_60

Original article

Genesis of the EU Indo-Pacific Strategy (1992–2022)

Roman V. Kitaev

Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia
romankita43@gmail.com

Abstract. The article is dedicated to the matter of genesis of the European Union Strategy for Cooperation in the Indo-Pacific, adopted on 16 September 2021. The article is founded upon the results comparative analysis of the strategic documents by European Commission. The results attest to the consecutive development of the EU's Asian policy in the framework of Indo-Pacific idea.

Keywords: European Union, Indo-Pacific Strategy, genesis, strategic documents

For citation: Kitaev, R. V. (2023). Genesis of the EU Indo-Pacific strategy (1992–2022). Vestnik of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(850), 60–67. 10.52070/2500-347X_2023_1_850_60

ВВЕДЕНИЕ

Руководство ЕС 16 сентября 2021 года обнародовало материалы по Стратегии Европейского союза по сотрудничеству в Индо-Тихоокеанском регионе (ИТР)¹. В документе регламентируются текущие тенденции азиатского направления внешней политики ЕС, развитие идеи ИТР, как самостоятельного политического пространства на стыке акваторий Тихого и Индийского океанов в современном внешнеполитическом дискурсе. Его принятие подчеркнуло общность устремлений Брюсселя и США, использующих идею ИТР в качестве основы курса на сдерживание Китая. С учетом нарастающих противоречий России и стран условного «западного мира» имеет смысл предположить, что Индо-Тихоокеанская стратегия ЕС также может быть использована как основа политики сдерживания Москвы на обширном пространстве формирующегося региона. В связи с этим исследование обстоятельств принятия этого документа представляет интерес для отечественной науки.

Изучая особенности европейской стратегии в ИТР, отечественные исследователи уделяют минимум внимания историческим предпосылкам ее возникновения [Мельникова, 2021; Коновалов, 2022]. Вместе с тем тщательный анализ доктринальных документов ЕС, посвященных политике в Азии и сравнительный анализ действий, предпринятых на их основе, позволяет выявить тенденции, способствовавшие формированию и принятию вышеупомянутой стратегии на протяжении XXI века. Теоретическое осмысление генезиса Индо-Тихоокеанской стратегии ЕС способствует обозначению складывающихся трендов международных отношений в контексте нарастающих противоречий между условным Западом и не Западом.

ЗАРОЖДАЮЩИЕСЯ ТЕНДЕНЦИИ АЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКИ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

С момента своего образования ЕС позиционировал себя как политически активного актора. Так, уже в статье 2 Маастрихтского договора в числе основных целей союза были провозглашены достижение экономического и социального прогресса и содействие утверждению самобытности ЕС на международной арене, особенно посредством осуществления общей внешней политики

и политики безопасности (Treaty on European Union, 1992). Хотя сам договор не отражал приоритетные направления внешней политики ЕС, в нем была задана отправная точка для дальнейшего выстраивания политического целеполагания ЕС.

В 1994 году было опубликовано послание Еврокомиссии «На пути к новой стратегии в Азии», в котором подробно освещались предпосылки, направления сотрудничества с азиатскими странами и возможные механизмы их реализации. Послание охватывало взаимоотношения с 26 странами и экономическими зонами, поделенными на Восточную Азию (Китай, Япония, Тайвань, Монголия, КНДР, Республика Корея, Макао), Юго-Восточную Азию (страны Индокитаю и Индонезийского архипелага) и Южную Азию (Индия и сопредельные ей государства). Составители послания прямо обозначали срочную необходимость укрепления экономического присутствия ЕС в Азии «для сохранения за союзом ведущей роли в мировой экономике» [Towards a new Asia Strategy, 1994]. Они утверждали, что отсутствие успехов в формировании комплексной стратегии в отношении Азии приведет к снижению прибылей и конкурентоспособности европейских компаний по всему миру. В свою очередь европейские политики опасались, что это могло бы привести к сокращению степени доверия к ЕС со стороны потенциальных партнеров в других регионах [там же].

К числу общих целей, зафиксированных в Послании, относилось укрепление экономического присутствия ЕС в Азии, развитие международных связей и взаимопонимания, содействие экономическому развитию неблагополучных стран и регионов Азии и внесение вклада в развитие демократии, верховенства закона и уважения к фундаментальным правам и свободам человека в Азии. Для достижения этих целей предполагалось развитие как двусторонних отношений между азиатскими государствами и ЕС, так и взаимодействия по линии международных структур (АСЕАН, АТЭС). Значительная роль отводилась и политическому диалогу по вопросам безопасности, в повестку которого включались вопросы нераспространения вооружений, соблюдения прав человека и борьбы с наркоторговлей. Особое внимание уделялось экономической стратегии ЕС в Азии, предполагавшей не только активное инвестирование в азиатские страны и совместную борьбу с бедностью, но и значительный упор на лоббирование интересов союза и содействие в процессах перехода азиатских стран к рыночной экономике.

Таким образом, послание 1994 года представляло собой полноценную основу для дальнейшего стратегического планирования в вопросах политики ЕС в Азии. Этот документ был призван осветить направления взаимоотношений ЕС и азиатских

¹Joint Communication on the EU strategy for cooperation in the Indo-Pacific https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/jointcommunication_2021_24_1_en.pdf

стран, обозначить цели европейской политики в регионе и предложить основные способы их достижения. При этом экономические аспекты взаимоотношений ЕС и стран Азии в послании получили приоритетное освещение.

РАЗВИТИЕ АЗИАТСКОЙ ПОЛИТИКИ ЕС В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Внешиполитическая обстановка начала XXI века обусловила необходимость корректировки внешнеполитической парадигмы союза. В сентябре 2001 года было опубликовано послание Еврокомиссии под названием «Европа и Азия: стратегические рамки развития партнерства». В этом документе получил развитие ряд идей, высказанных политическими элитами союза в 1994 году. Так, например, было расширено определение границ «Азии» в контексте новой стратегии. В дополнение к Южной, Юго-Восточной и Северо-Восточной (Восточной в послании 1994 года) Азии в сферу интересов ЕС в регионе вошла Австралазия (Австралия, Новая Зеландия и прилегающие островные государства)¹.

В качестве основной цели азиатской политики ЕС на первое десятилетие XXI века было обозначено **фокусирование на расширении политического и экономического присутствия ЕС в регионе до уровня, соответствующего возрастающему весу расширяющегося ЕС на мировой арене**. Общие приоритеты в соответствии с заданной целью были обозначены следующим образом:

- внесение вклада в мир и стабильность как в Азии, так и во всем мире посредством расширения взаимоотношений ЕС со странами региона;
- дальнейшее развитие взаимного товарооборота и инвестирования в Азии;
- содействие развитию наименее развитых стран Азии, и противодействие глубинным причинам бедности;
- содействие распространению демократии, квалифицированного правления и верховенства закона;
- выстраивание глобального партнерства и альянсов с азиатскими странами в соответствующей международной среде с целью работы как с вызовами, так и с возможностями, создаваемыми глобализацией, а также укрепление совместных усилий в вопросах сохранения окружающей

среды и безопасности [Europe and Asia: A Strategic Framework for Enhanced Partnerships, 2001].

Повестка вопросов, включаемых в приоритеты азиатской политики ЕС, была значительно расширена. Послание 1994 года ставило во главу угла экономические аспекты евро-азиатских отношений. В документе 2001 года вопросам окружающей среды, здравоохранения и развития демократических режимов в Азии уделяется куда большее внимание. С этого момента ЕС начинает значительное переформатирование системы взаимоотношений со странами Азии. Так, в 2003 году было ратифицировано Соглашение о стратегическом партнерстве с Китаем, в 2004 – с Индией. Новоиспеченные партнеры приступили к выстраиванию сотрудничества в вопросах экономики, прав человека, технологического обмена, науки, культуры и образования.

В процессе выстраивания взаимоотношений с КНР, несмотря на объективные подвижки в экономических вопросах, таких как облегчение доступа китайских товаров на европейские рынки², вскоре возникли значительные затруднения. Так, стороны были вынуждены потратить несколько лет на поиск решения проблем, связанных с импортом китайского текстиля. Не меньшие трудности возникли при обсуждении вопроса о снятии эмбарго на экспорт европейской военно-технической продукции в КНР, о котором стороны так и не смогли договориться.

Не меньше сложностей существовало во взаимоотношениях с Индией. Несмотря на то, что в 2007 году стороны достигли договоренности о заключении соглашения о свободной торговле, переговоры так и не были окончены. Позиция Нью-Дели построена на либерализации требований ЕС к безопасности импорта индийских продуктов и облегчении положения индийских рабочих в странах союза. Со своей стороны, ЕС настаивает на либерализации индийской сферы услуг и иностранных инвестиций в Индии, требует отмены запрета на участие европейских компаний в тендерах по государственным закупкам. Расходятся позиции сторон и по вопросам сохранения интеллектуальной собственности. Индия отказывается принять высокие требования в этой сфере, на которых настаивают европейцы, в первую очередь из-за опасений уступить контроль за столь важной стратегической отраслью [Печищева, 2018].

В отличие от взаимоотношений с первыми тремя субрегионами, взаимоотношения со странами Австралазии были обозначены в общих чертах. Тем не менее будет ошибочным характеризовать дипломатические усилия ЕС в регионе как формальные.

¹ Австралазия – термин, употребляемый для обозначения региона, включающего Австралию и близлежащие территории (Тасмания, Новая Зеландия, Новая Гвинея и прилегающие острова севернее и восточнее Австралии в Тихом океане). Был введен в оборот французским историком и философом Шарлем де Брассом в трактате «История навигации в Южных морях» 1756 г.

² К 2005 г. Китай вышел на позиции главного поставщика импортной продукции в ЕС. Со своей стороны, ЕС стал главным торговым партнером КНР (19 % внешней торговли КНР).

В 2008 году были завершены переговоры Канберры и Брюсселя о соглашении, регулирующем торговлю винной продукцией. В 2012 году было подписано соглашение об обмене информацией относительно личных данных авиапассажиров. В 2015 году начались переговоры о создании зоны свободной торговли с участием ЕС и Австралии.

Вместе с тем стоит отметить, что азиатское направление внешней политики ЕС в этот период считалось приоритетным в сфере экономики, но не в других сферах. В частности, Азии было уделено недостаточно внимания в вопросах выстраивания безопасности ЕС, получивших актуальность в связи с нарастанием антитеррористической борьбы. Так, в Стратегии европейской безопасности от 2003 года упор делался на важность роли ЕС в решении глобальных проблем безопасности, а не на региональные проблемы. При этом в документе отмечалась необходимость участия ЕС в разрешении конфликтов на Корейском полуострове, а также активной поддержки в разрешении ситуации в Афганистане. Однако Стратегия не предлагала конкретных планов для осуществления этих целей. Дальнейшее развитие ЕС показало, что внимание Брюсселя оказалось сосредоточено больше на вопросах Косова, Ливии и Сирии, чем на проблемах азиатских партнеров.

Таким образом, с началом XXI века происходит расширение зоны охвата азиатской политики ЕС, фактически включившей в себя все территории будущего Индо-Тихоокеанского региона. Стоит также отметить, что по сравнению с 1994 годом ЕС значительно конкретизировал региональные приоритеты во взаимоотношениях с субрегионами Азии, а также более четко обозначил ключевых партнеров в каждом из них. При этом, несмотря на расширение направлений для выстраивания отношений, практические результаты проявились преимущественно в экономической сфере. Обозначив намерения сотрудничества со странами Азии во внеэкономических сферах, европейские политики не смогли добиться их претворения в жизнь. Несмотря на обновленное теоретическое основание, будущая индо-тихоокеанская политика ЕС всё еще нуждалась в значительной доработке.

ПОЛИТИКА ЕС В АЗИИ В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ 2016 ГОДА

По мере своего развития ЕС всё более отчетливо сталкивался с необходимостью исправления сложившегося дисбаланса между экономической мощью и политическими возможностями на международной арене. Достижение этих целей потребовало разработки стратегического документа,

охватывающего все направления европейской политики. Этим документом стала Глобальная стратегия безопасности ЕС «Общее видение, единый подход: сильная Европа», принятая в 2016 году.

Провозглашая самостоятельную роль ЕС в области безопасности, Стратегия позиционировала Союз глобального и регионального политического игрока. Отдавая приоритет роли ЕС в разрешении глобальных вызовов и проблеме взаимоотношений с Россией, Стратегия уделяла внимание и азиатской политике Брюсселя. В числе приоритетных направлений были выделены страны Восточной Азии и ИТР. Авторы документа предполагали сосредоточить усилия европейской дипломатии на расширении связей с Китаем, на углублении экономических отношений со странами ИТР, в частности на заключении соглашений о свободной торговле с Японией, Индонезией, Южной Кореей и, в долгосрочной перспективе – с ACEAN [Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe, 2016]. С 2016 года европейские дипломаты проделали тщательную работу по подготовке и дальнейшему заключению Соглашений о свободной торговле с Австралией (2018), Японией (2019), Вьетнамом (2019), Сингапуром (2019). 30 июня 2022 года подошли к завершению переговоры о подписании соглашения о свободной торговле с Новой Зеландией, продолжаются переговоры о заключении подобных соглашений с Индией и Индонезией.

К числу значительных успехов ЕС на китайском направлении можно отнести завершение в 2020 году переговоров о подписании Всеобъемлющего инвестиционного соглашения, увенчавшего долгий процесс складывания торговых взаимоотношений Европы и КНР. Несмотря на то, что ратификация соглашения была приостановлена в 2021 году, Китай по-прежнему сохранил за собой ведущие позиции в европейском торговом балансе и лидерство в его азиатском секторе. Так, в 2020 году Китай стал третьим по величине потребителем европейских товаров и крупнейшим импортером продукции в страны ЕС. Импорт китайских товаров в страны ЕС составил 383,4 млрд евро, а экспорт товаров из ЕС в КНР достиг 202,6 млрд евро, продемонстрировав рост, несмотря на негативную ситуацию в мировой экономике. Для сравнения: объем импорта японских товаров в страны ЕС за тот же период составил 55 млрд евро¹. Индии – 32,9 млрд, Сингапура – 16,9 млрд, Австралии – 6,8 млрд².

¹Exchange of import statistics in 2020 based on Article 2.32 of the Japan-EU EPA https://www.mofa.go.jp/ecm/ie/page23e_000610.html

²Extra-EU trade by partner <https://appsso.eurostat.ec.europa.eu/nui/submitViewTableAction.do>

Развитие взаимоотношений ЕС со странами ИТР не ограничивалось экономическими целями. Так, в 2019 г. было подписано Соглашение о стратегическом партнерстве с Японией, охватывавшее сотрудничество в сферах безопасности, науки и технологий, транспорта, окружающей среды и т.д. Аналогичное соглашение спустя год было подписано с АСЕАН. В 2020 г. также началась работа по усовершенствованию условий сотрудничества ЕС и Индии. Ее результатом стало принятие Программы действий ЕС – Индия на 2020 год. Так называемая «дорожная карта», рассчитанная на пять лет, включает в себя вопросы взаимоотношений в сферах политики и безопасности, прав человека, сотрудничества в области энергетики и окружающей среды, расширение взаимодействий в научно-технической сфере, а также углубление контактов между гражданами ЕС и Индии.

Таким образом, несмотря на, казалось бы, не столь обширную концептуализацию, очевидна значительная интенсификация усилий ЕС по развитию своего присутствия в ИТР. Употребление этого понятия в Глобальной стратегии свидетельствует о формировании как идейного, так и материального базиса для оформления будущей Стратегии.

ИНДО-ТИХООКЕАНСКАЯ СТРАТЕГИЯ ЕС В 2018–2022 ГОДАХ

Описывая вопрос принятия ЕС Индо-Тихоокеанской стратегии, следует отметить, что непосредственные предпосылки к ее оформлению складывались в период с 2018 по 2022 год. Первым важным фактором стала позиция ведущих держав ЕС, включивших идею ИТР в структуру собственного стратегического планирования.

Так, уже в 2018 году была обнародована Индо-Тихоокеанская стратегия Франции, ставшая первым стратегическим документом уровня страны – члена ЕС, нацеленным на решение вопросов в формирующемся регионе. В принятой концепции Франция определяла свою роль как «посредническая, инклюзивная и стабилизирующая держава», которая стремится содействовать установлению «стабильности, основанной на законе, и многополярного порядка» в регионе¹.

С момента принятия Стратегии французское правительство активно приступило к ее реализации. За 2018–2019 годы удалось договориться о новых бизнес-соглашениях с китайской и индийской сторонами. Заключенные договоры охватывали сферы атомной энергетики (строительство

завода по переработке отработанного ядерного топлива в КНР и атомной электростанции «Джай-тапур» в Индии) и гражданской авиации (300 лайнеров на 30 млрд евро для Китая, авиационные двигатели на 10–12 млрд для Индии). Также была намечена программа развития солнечной энергетики с Индией в рамках Международного солнечного союза.

Не менее важным в этом контексте является австралийское направление. В феврале 2019 года был подписан долгосрочный контракт с Австралией на поставку 12 подводных лодок проекта «Barracuda». При активном содействии новозеландского премьер-министра Дж. Ардерн в мае 2019 года была запущена новая многосторонняя инициатива – «Крайстчерчский призыв», призванная консолидировать усилия государств и цифровых компаний в борьбе против экстремизма в цифровом пространстве [Чихачев, 2020].

Также в 2020 году был опубликован германский стратегический документ «Стратегические приоритеты в Индо-Тихоокеанском регионе»², в котором ИТР был объявлен «приоритетом германской внешней политики». Предполагая вероятную экономическую зависимость от взаимоотношения с экономиками стран региона, правительство ФРГ делало основной акцент на недопущении эскалации региональных конфликтов и диверсификации отношений со странами региона, в том числе и в вопросах науки, культуры, образования. Вместе с тем в сравнении с региональными усилиями Франции политика Германии в отношении ИТР выстраивалась относительно пассивно. К числу немногих политических шагов ФРГ можно отнести отправку в регион фрегата «Бавария» на период с августа 2021 по февраль 2022 года в рамках совместных военно-морских учений с кораблями флотских соединений США, Японии, Австралии и ведущих стран ЕС [Чихачев, Гуляев, 2022]. Скованность политики Германии в ИТР с момента принятия стратегии можно объяснить как нежеланием германского правительства идти на открытую конфронтацию с Китаем, так и сосредоточением основных усилий на борьбе с пандемией Covid-19 и проблематике европейско-российских отношений.

Вместе с тем говорить об исключительной роли американского фактора, как основы принятия Европой идеи ИТР, было бы не совсем верно. Уже в 2019 году при анализе взаимоотношений США и ЕС в контексте нарастающей конфронтации Вашингтона и Пекина отмечался низкий уровень взаимодействия между союзниками относительно

¹France's Indo-Pacific Strategy https://www.diplomatie.gouv.fr/IMG/pdf/en_dcp_a4_indopacifique_022022_v1-4_web_cle878143.pdf

²Policy guidelines for the Indo-Pacific region <https://rangun.diplo.de/blob/2380824/a27b62057f2d2675ce2bbfc5be01099a/policy-guidelines-summary-data.pdf>

позиции по сдерживанию Китая [Приходько, 2019]. В отличие от американцев, европейские элиты демонстрировали активное нежелание открытого противостояния с КНР, в том числе и из-за вовлеченности в экономический проект «Один пояс, один путь». Те же тенденции отмечали и западные аналитики, рекомендовавшие наращивать усилия по координации политических позиций относительно ИТР между США и Европой. Признавая, то, что Евросоюз не готов открыто принять Индо-Тихоокеанскую идею из-за нежелания идти на разрыв отношений с Китаем, американские эксперты предлагали сделать упор на общность интересов США и ЕС. По их мнению, это давало Европе возможность солидаризоваться с США без необходимости формального принятия ИТР как концепции [Brattberg, Le Corre, 2019].

Принятие Евросоюзом Индо-Тихоокеанской стратегии, на первый взгляд, свидетельствовало о значительном сближении позиций США и Европы по политике в регионе. Однако оформление в сентябре 2021 года военного союза AUKUS, сопровождавшееся срывом контракта на поставки подводных лодок между Францией и Австралией в пользу аналогичного соглашения между Канберрой и Вашингтоном, наглядно продемонстрировало неготовность США учитывать непосредственные интересы как минимум ведущих стран ЕС.

В европейском научном сообществе также возникали определенные сомнения в возможности ЕС встроиться в концепт Индо-Пацифики с учетом ситуации с AUKUS. Так, эксперт Центра исследований европейской политики Захарий Пайкин утверждает, что в силу географического отдаления континентальной части ЕС от ИТР Брюссель не сможет укрепить свое стратегическое присутствие в регионе в военном плане. Он полагает, что даже если европейские политики согласятся смириться с политикой администрации Байдена, это не снимет возможной обеспокоенности Вашингтона относительно претензий ЕС на более самостоятельное позиционирование себя в пределах ИТР [Paikin, 2021].

Тем не менее это не помешало сторонам приступить в декабре 2021 года к консультациям на высшем уровне относительно политики в ИТР. В ходе совместных обсуждений представители ЕС и США отметили сложившуюся общность интересов в вопросах защиты прав человека в ИТР, поддержки здравоохранения, а также инфраструктурного

строительства [EU-US: Joint Press Release by the EEAS and Department of State on the High-Level Consultations on the Indo-Pacific, 2021]. Тем не менее практическое воплощение обсуждаемых инициатив так и не было инициировано.

Таким образом, к 2022 году сложились ключевые предпосылки к принятию Индо-Тихоокеанской стратегии. Позиция ведущих стран ЕС под влиянием США обеспечила базу для принятия Брюсселем идеи Индо-Пацифики как основы азиатской политики. Несмотря на снижение внимания к ИТР, в свете нарастания противоречий, спровоцированных событиями на Украине, ЕС сохраняет потенциал для расширения своего влияния в ИТР.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование доктринальных документов ЕС, посвященных регламентированию его политики в Азии, позволяет выявить четкую историческую тенденцию к принятию европейскими элитами идеи Индо-Тихоокеанского региона, как одной из основных политических парадигм. С 1994 года пространственные параметры азиатской стратегии последовательно расширялись, охватив территории современного ИТР уже в начале XXI века. Таким образом, принятие Стратегии исторически важно, как акт фиксирования проявившихся ранее тенденций политического позиционирования ЕС в регионе.

При этом стоит отметить такие тенденции зарождающейся Стратегии, как первенство экономических факторов в выстраивании отношений и фактический приоритет КНР в выстраиваемой структуре региональных партнерств. Обращение к идее ИТР в доктринальных документах можно рассматривать, как попытку сбалансировать эти тренды в пользу большей диверсификации политических действий ЕС в Азии.

Также стоит отметить, что вопреки складывающемуся впечатлению о выборе такого геополитического вектора под влиянием США, генезис Стратегии свидетельствует о самостоятельном выборе ЕС в пользу ИТР как геополитической концепции. Трения между Вашингтоном и Брюсселем в ИТР наиболее ярко проявились в кейсе образования AUKUS. Они подтверждаются также отсутствием практических действий по координированию политики в регионе.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мельникова Ю. Ю. Стратегия ЕС в Индо-Тихоокеанском регионе: внутренние драйверы и фактор КНР // Гуманитарные науки // Вестник Финансового университета. 2021. № 2. Т. 12. С. 31–37.
2. Коновалов И. А. Индо-Тихоокеанский регион в установках доктринальных документов Великобритании, Франции и Германии // Вестник Центра изучения международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе. 2022. Вып. 7. С. 30–38.
3. Towards a new Asia strategy // EUR-Lex. 1994, June 13. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51994DC0314&from=EN>
4. Europe and Asia: A Strategic Framework for Enhanced Partnerships // EUR-Lex. 2001, September 04. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52001DC0469&from=en>
5. Печищева Л. А. Индия – ЕС: перспективы сотрудничества // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2018. Вып. 2 (800). С. 160–166.
6. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe: A Global Strategy for the European Union's Foreign And Security Policy // European External Action Service. 2016, June. URL: https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf
7. Чихачев А. Ю. Основы современной внешней политики Франции в Индо-Тихоокеанском регионе // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2020. Вып. 1 (838). С. 111–123.
8. Чихачев А. Ю., Гуляев Е. В. Стратегии Франции и Германии в Индо-Тихоокеанском регионе // Мировая экономика и международные отношения. 2022. № 5. Т. 66. С. 59–67.
9. Приходько О. В. США – Европа: китайский фактор и пределы трансатлантической солидарности // США и Канада: экономика, политика, культура. 2019. № 4. Т. 49. С. 5–30.
10. Brattberg E., Le Corre P. The Case for Transatlantic Cooperation in the Indo-Pacific // Carnegie Endowment for International Peace. 2019, December URL: https://carnegieendowment.org/files/WP_BrattbergLeCorre_FINAL1.pdf
11. Paikin Z. AUKUS and the Strategic Compass / Towards a European 'third way' in the Indo-Pacific? // CEPS. 2021, December 21. URL: <https://www.ceps.eu/aukus-and-the-strategic-compass/>
12. EU-U.S.: Joint Press Release by the EEAS and Department of State on the High-Level Consultations on the Indo-Pacific// European External Action Service. 2021, December. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-us-joint-press-release-eeas-and-department-state-high-level-consultations-indo-pacific_en

REFERENCES

1. Melnikova, Yu. Yu. (2021). EU Strategy in the Indo-Pacific region: Domestic drivers and the Chinese factor. Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University, 12(2), 31–37. (In Russ.)
2. Konovalov, I. A. (2022) Indo-Pacific in British, French and German Strategig Guideline Documents. Vestnik of the scientific centre of studies of international relations in the Asia Pacific region. The digest of articles of an international scientific conference, 30–38. (In Russ.)
3. Towards a new Asia strategy (1994, June 13). EUR-Lex. <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:51994DC0314&from=EN>
4. Europe and Asia: A Strategic Framework for Enhanced Partnerships (2001, September 04). EUR-Lex <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=CELEX:52001DC0469&from=en>
5. Pechishcheva, L. A. (2018). India – the EU: The perspectives of cooperation. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 2(800), 160–166. (In Russ.)
6. Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe: A Global Strategy for the European Union's Foreign and Security Policy (2016, June). European External Action Service. https://www.eeas.europa.eu/sites/default/files/eugs_review_web_0.pdf
7. Chikhachev, A. Y. (2020). Basics of French Foreign Policy in Indo-Pacific Region. Vestnik of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences, 1(838), 111–123. (In Russ.)
8. Chikhachev, A. Y., Guliaev, E. V. (2022). French and German Strategies in the Indo-Pacific. World Economy and International Relations, 66 (5), 59–67 (In Russ.)
9. Prikhodko, O. V. (2019). The United States – Europe: The Chinese Variable and Limits of Transatlantic Solidarity. USA & Canada: Economics, Politics, Culture, 49(4), 5–30. (In Russ.)
10. Brattberg, E., Le Corre, P. (2019, December) The Case for Transatlantic Cooperation in the Indo-Pacific. Carnegie Endowment for International Peace. https://carnegieendowment.org/files/WP_BrattbergLeCorre_FINAL1.pdf
11. Paikin, Z. (2021, December 21) AUKUS and the Strategic Compass/Towards a European 'third way' in the Indo-Pacific? CEPS <https://www.ceps.eu/aukus-and-the-strategic-compass/>
12. EU-U.S.: Joint Press Release by the EEAS and Department of State on the High-Level Consultations on the Indo-Pacific// European External Action Service. 2021, December. URL: https://www.eeas.europa.eu/eeas/eu-us-joint-press-release-eeas-and-department-state-high-level-consultations-indo-pacific_en

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Китаев Роман Викторович

аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России
Института международных отношений и социально-политических наук
Московского государственного лингвистического университета

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Kitaev Roman Viktorovich

Postgraduate Student of the Department of International Relations and Foreign Policy of Russia
Moscow State Linguistic University

Статья поступила в редакцию одобрена после рецензирования принята к публикации	20.09.2022	The article was submitted approved after reviewing accepted for publication
	28.01.2023	
	12.02.2023	